
Проблема разногласия и поля смысла: эпистемологические следствия онтологического плюрализма М. Габриэля*

© 2021 г. Д.К. Маслов

*Институт философии и права СО РАН,
Новосибирск, 630090, ул. Николаева, д. 8.*

*E-mail: denn.maslov@gmail.com
<https://www.philosophy.nsc.ru/maslov>*

Поступила 04.08.2019

Мы рассматриваем проблему познания вещей с точки зрения пирронической скептической аргументации и указываем на ее корни в метафизике и онтологии, понимаемой классически как познание сущего, поскольку оно является сущим. В первом разделе мы ставим пирроническую проблему разногласия: она покоится на онтологической картине «вещей по природе», из которой вытекает проблема разногласия для эпистемологии. Во втором разделе мы реконструируем онтологическую теорию М. Габриэля, в частности его понятие существования и отказ от метафизики как онтологии тотальности. Его теория подразумевает множество полей смысла, в которых находят себе место внешне противоречащие предикаты. В третьем разделе мы рассматриваем эпистемологические следствия теории Габриэля, которые помогут разрешить пирроническое затруднение, а именно разведение разногласящих предикатов по разным полям смысла, что обеспечивает их познание в соответствующих полях. В конце статьи обсуждается вопрос, почему теория Габриэля не является конструктивистской или релятивистской.

Ключевые слова: пирронизм, скептицизм, природа вещей, онтология, мета-эпистемология, метафизика, поля смысла, М. Габриэль.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-181-191

Цитирование: *Маслов Д.К.* Проблема разногласия и поля смысла: эпистемологические следствия онтологического плюрализма М. Габриэля // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 181–191.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–311–00113 «Скептицизм и метаэпистемология: познание истины в условиях принципиальной погрешимости познания».

The Problem of Disagreement and Fields of Sense: Epistemological Implications of Markus Gabriel's Ontological Pluralism*

© 2021 Denis K. Maslov

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
8, Nikolaeva str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: denn.maslov@gmail.com
<https://www.philosophy.nsc.ru/maslov>

Received 04.08.2019

The paper considers the problem of knowing things starting with pyrrhonical skeptical argumentation that puts the problem of disagreement in accounts of things. The problem is rooted in ontology and metaphysics taken classically as knowledge of being as far as it is being. The first part deals with the pyrrhonical problem of disagreement that rests on ontological picture of “nature of things” which launches epistemological obstacles. The second part sketches Markus Gabriel's ontological theory, particularly his notion of “existence” and rejection of metaphysics as self-contradictory ontology of totality. His theory states a plurality of “fields of sense” that accommodate seemingly contradictory predicates. In the third part, I point out to epistemological implications of Gabriel's theory that promise to solve the problem by rejecting a concealed assumption that brings the problem into life. This secures knowledge of things depending on distribution of contradictory features of things into different fields of sense. Also it will be shown why Gabriel cannot be labelled as a constructivist and a relativist.

Keywords: pyrrhonism, skepticism, nature of things, ontology, metaepistemology, metaphysics, fields of sense, Markus Gabriel.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-181-191

Citation: Maslov, Denis K. (2021) “The Problem of Disagreement and Fields of Sense: Epistemological Implications of Markus Gabriel's Ontological Pluralism”, *Voprosy filosofii*, Vol. 1 (2021), pp. 181–191.

Дж. Конант провел сравнительный анализ двух смоделированных разновидностей скептицизма – картезианской и кантианской. Главное их отличие, согласно Конанту, состоит в том, что картезианский скептик спрашивает, действительно ли удастся конкретный акт познания, то есть ставит вопрос об истинности конкретных суждений, не задаваясь вопросом об условиях возможности суждений быть истинными. Кантианский скептик, напротив, задается вопросом не об успехе конкретного акта познания, но о возможности условий познания. Иными словами, «картезианец» ставит под вопрос действительность познания, подлинность опыта и того, действительно ли некоторое суждение является истинным, тогда как «кантианец» ставит под вопрос возможность и осмысленность опыта, а также условия возможности истинности наших суждений [Conant 2012, 24–25]. Эти разновидности скептицизма носят отчетливо эпистемологический характер в том отношении, что они не проблематизируют мир

---

* The research was supported by Russian Foundation for Basic Research, project No. 18–311–00113 “Scepticism and metaepistemology: knowing the truth under condition of fallible knowledge”.

и рассматривают предметы уже как предметы опыта и в этой мере предметы познания (в особенности Кант), не задаваясь вопросом о природе предмета.

В настоящей статье мы намерены рассмотреть проблемы познания, вытекающие из другой, не менее влиятельной и важной формы скептицизма – пирронического учения в том виде, как его сформулировал Секст Эмпирик. Пирроническое сомнение касается метафизических теоретических построений, поскольку заостряет и проблематизирует несоответствие попыток познания нормативным онтологическим и эпистемологическим предпосылкам, в частности понятию «вещей по природе»¹. Проблема, кратко говоря, заключается в несоответствии онтологическому представлению о непротиворечивой природе вещи и фактическому наличию несогласующихся предикатов. При наличии таковых (что Секст неустанно подчеркивал) возникает эпистемологическая проблема определения тех предикатов, которые действительно присущи вещи. Эту проблематику мы предлагаем рассмотреть в свете онтологической теории нейтрального реализма М. Габриэля, которая позволяет разрешить пирроническое затруднение, пересматривая исходную онтологическую предпосылку². В первом разделе мы реконструируем пирроническую проблему разногласия и ее предпосылки, в частности рассмотрим познавательную проблематику в свете метафизической теории вещей по природе. Во втором разделе мы представим онтологическую теорию М. Габриэля, в особенности его экспликацию понятия «существование» через понятия «поле смысла» и «явление», а также его отказ от понятия «мир». В третьем разделе мы покажем релевантность онтологии Габриэля для эпистемологии и продемонстрируем основания, почему его теория должна быть признана реализмом.

Мы отдаем себе отчет в том, что настоящий эпистемологический подход полностью зависит от предположенной ему онтологии, в частности теории Габриэля. Если теория Габриэля будет признана ошибочной (а она содержит в себе немало проблем), то и настоящее эпистемологическое решение пирронической проблемы повиснет в воздухе. Однако зависимость от онтологии присуща любой эпистемологии (даже если эпистемологи не осознают это ясно), поскольку каждая эпистемология исходит из некоторой онтологии и пытается познать *существующие* предметы³. Наш подход выделяется на фоне других как раз тем, что предлагает обратить внимание на онтологические предпосылки для решения эпистемологической проблемы, поставленной в рамках пирронизма. Кроме того, нам не известна ни одна философская теория, которая была бы свободна от разного рода проблем; в этом смысле теория Габриэля не является исключением. Его теория включает в себе большой потенциал и имеет шансы в будущем стать одной из ведущих онтологических теорий или основой для таковых. Наконец, в ряду с теорией Габриэля совершенно естественно предполагать наличие аналогичных теорий, разделяющих те или иные его предпосылки или идеи, но свободной от недостатков его теории (но не от недостатков вообще, разумеется).

I

Секст Эмпирик собрал и представил множество аргументов под именем «тропы воздержания от суждения». Эти аргументы служили цели создания равновесия аргументов, что влекло за собой воздержание от суждения и душевное спокойствие, *атараксию*. Аргументы делятся на две группы: тропы Энесидема, в которых представлены аргументы против чувственного познания, и тропы Агриппы, которые тематизируют затруднения при рациональном доказательстве. В наших предшествующих статьях мы подробно разбирали принципы, согласно которым функционируют данные аргументы, и, в частности, осветили скрытую онтологическую предпосылку о природе вещей, которую использовал Секст Эмпирик [Маслов 2016, 256–258; Маслов 2018]. Вкратце, скептик указывает на парадигматические ситуации разногласия в суждениях, вызванные различиями в строении воспринимающих существ (в том числе животных), различиями в условиях, состояниях, положениях и т.д., при которых одни и те же вещи воспринимаются по-разному (тропы Энесидема). Иными словами, одни и те

же вещи обнаруживают противоречащие предикаты в различных условиях и отношениях, и на основе возникающего из этого разногласия невозможно определить истинные предикаты вещей по природе. Для определения истинных предикатов вещей требуется доказательство, например, что мед сладок по природе. Здесь в дело вступают тропы Агриппы, которые показывают, что доказательства также вызывают разногласие и содержат методологические ошибки, такие как уход доказательства в бесконечность, доказательство по кругу и бездоказательное принятие посылок как истинных. Дж. Аннас и Дж. Барнс следующим образом сформулировали схему аргументации Секста в тропах Энесидема: «(1) x является F в ситуации S ; (2) x является F^* в ситуации S^* ; но (3) мы не можем предпочесть одно явление другому; следовательно, (4) мы не можем ни принять, ни отвергнуть, что x в действительности F или F^* » [Annas, Barnes 1985, 25]. С этим ходом рассуждения Секста можно спорить в том пункте, что не все предикаты действительно характеризуют вещи и с помощью доказательства можно установить верный предикат. Мы оставляем критику доказательства в стороне и хотим обратить внимание на иную сторону в аргументации Секста. Нас интересует специфическое пирроническое понимание вещей по природе и вытекающих из этой концепции проблем для теоретических построений.

Из аргументационной стратегии Секста можно заключить, что он исходил из очень сильной онтологической картины, которая задавала критерии познания вещей исходя из их «природы», то есть из того, как вещи существуют не в явлении, а «на самом деле». В этом отношении вещи обладают по своей природе строго определенным набором предикатов и в этом смысле являются инвариантными, что и составляет их природу: суть вещи, основа ее тождества и самости, должна быть неизменна. Если некое свойство у меняется и вещь предстает со свойством, противоречащим u , то познание заходит в тупик по вопросу, какое из этих двух свойств действительно присуще вещи. Это можно сформулировать следующим образом:

Онтологическая предпосылка:

(ОП) Вещь x должна во всякое время и при всех условиях и обстоятельствах обладать свойством u и не может никогда и ни при каких обстоятельствах обладать свойством, противоречащим свойству u .

Секст уделял особое внимание феноменальному уровню, на котором вещи являются. Ввиду противоречия естественно предполагалось, что явления, не совпадая с ОП, обманчивы, и дело сводится к тому, чтобы определить, какие из них отражают подлинные свойства вещей. Иными словами, здесь можно рассмотреть проблему с точки зрения 1) свойств, присущих вещам, 2) образу воздействия вещей на наши рецептивные способности и, собственно, 3) явления. Каждый из аспектов может заключать в себе истоки разногласия. Однако, чтобы не усложнять ситуацию, предположим, что явления корректно репрезентируют свойства вещей. ОП отображает внутреннюю тождественность и непротиворечивость вещей по природе, тем самым исключая из онтологии возможность разногласия на уровне отдельной вещи и на уровне всех вещей в совокупности, то есть мира. Вещи и мир внутренне согласованны и непротиворечивы. Такое представление было характерно для многих направлений античной философии, однако и сегодня в том или ином виде оно присутствует среди уважаемых философских теорий. В частности, данную картину можно вслед за Патнэмом именовать «метафизическим реализмом». Сам Патнэм характеризовал эту позицию, которую он отстаивал в определенный период своей карьеры, таким образом: «...конкретная вещь или система вещей может быть описана только одним способом, если описание полно и верно; предполагается, что этому способу должна подходить только одна-единственная “онтология” и одна “идеология” в куайновском значении этих слов, то есть только одна область отдельных вещей и одна область предикатов этих отдельных вещей» [Putnam 2012, 62]. Несколько иначе ту же позицию характеризует Э. Люфт и именует ее «предрассудком в пользу Единого» (bias toward the One), когда основу бытия вещей составляют такие метафизические предикаты, как «тождество,

инвариантность и определенность» (identity, invariance and determination) [Luft 2017, 411]. Все многообразие явлений сводится к единому законченному принципу, которому подчиняется подлинная реальность и который объясняет все множество явлений. Реализм в этом отношении можно характеризовать как теорию, предполагающую определенное количество отдельных вещей (или мереологических сумм), которые составляют действительность или реальность как таковую, и их свойства строго определены онтологически и должны быть познаны. Для такого типа теорий характерен ряд дистинкций, таких как «бытие/явление», «действительность/иллюзия», «субстанция/акциденция»: они подчеркивают существование подлинного, реального слоя действительности, который отражает ОП и тем самым является неизменной основой всего существующего, и противопоставляют этой реальности область феноменов как чего-то вторичного, несущественного, обманчивого и вводящего в заблуждение.

В этом отношении задача познания состоит в том, чтобы корректно репрезентировать реальность и устанавливать подлинные свойства вещей по природе. Из ОП вытекает эпистемологическое правило, которое рефлектирует заложенную в ней картину мира:

(ЭП) Подлинное (научное) познание должно установить предикаты вещей по природе, причем предикаты одной и той же вещи не могут быть противоречивыми.

В результате задается идеальный образ устройства мира, ОП, в согласии с которой устанавливается эпистемологическая максима. Поскольку познание – это познание вещей (по природе)⁴, удавшиеся акты познания должны корректно отображать свойства вещей и тем самым согласованную структуру вещей и их совокупности – мира. Согласно ЭП, всевозможные разногласия в познании мира должны быть исключены, поскольку по ОП в вещах не может быть разногласия. Тем самым разногласие в познании, а именно приписывание вещи противоречащих предикатов, является маркером того, что ЭП не выполнено, и, соответственно, попытки познания следует считать провалившимися. В этом отношении факт разногласия является достаточным основанием для констатации провала попыток познания, поскольку подлинная теория, отображающая мир корректно, исключает разногласие. Только непротиворечивое и полное описание мира может быть свидетельством удачного познания истины.

Именно такой теоретический расклад, который мы сводим к ОП и ЭП, составляет силу пирронического скептицизма, поскольку он показывает несоразмерность теоретических построений сильной онтологической картине мира. В этом отношении пирронический скептик указывает на проблематичность сильной реалистической онтологии, поскольку она чревата множеством проблем. (Иным измерением данной проблемы является релятивизм, который нередко поверхностно отбрасывается прежде всего ввиду его несоответствия ОП.)

Таким образом, мы предлагаем рассматривать эпистемологические проблемы познания с точки зрения предшествующей теории предметов познания, поскольку вопрос о познании вещи тесно связан с тем, как устроена вещь. Поэтому мы считаем перспективным обратиться к новой онтологической теории, разработанной Маркусом Габриэлем, которая предлагает качественно иной взгляд на проблему существования, и вместе с тем свойств вещей.

II

Стержнями теории Габриэля мы считаем базовые онтологические категории «поле смысла» (Sinnfeld) и «явление» (Erscheinung), которые эксплицируют понятие «существование» и сопровождаются метакатегориями «онтологический дескриптивизм» и «онтологический плюрализм», а также вытекающий из этих концепций тезис о несуществовании мира как совокупности всех вещей и/или фактов. Оба этих пункта предполагают иную онтологическую картину по сравнению с классической, покоящейся на ОП, поскольку, с одной стороны, приводят к отказу от концепций подлинной реальности, противопоставляемой несущественным и иллюзорным явлениям, которая

может быть полностью описана одним и только одним набором предикатов. Не существует такого слоя реальности, который являлся бы подлинным, действительным и основополагающим для других слоев. Габриэль отказывается от понятия «мир» как всеохватывающей совокупности всех вещей, тотальности, подчиняющейся набору универсальных принципов. По всей видимости, Габриэль связывает оба этих тезиса воедино, хотя он, насколько мы можем судить, не эксплицировал это соотношение. (Представляется возможным сохранить тезис о существовании мира, отказываясь от концепции подлинной реальности.)

Основной онтологический тезис Габриэля гласит, что «существовать означает являться в поле смысла» [Gabriel 2016, 174]⁵. Тем самым Габриэль интерпретирует экзистенциальное значение предиката «быть» не как одноместный, но как двухместный предикат «являться-в (поле смысла)». Существовать значит существовать в некоторой предметной области, или, иными словами, предмет существует, если он является в поле смысла. Понятие «явление» отсылает нас к категории «онтологический дескриптивизм», которая отображает особенность экзистенциального предиката в этой теории. Габриэль утверждает, что существование не может быть ни логическим, ни метафизическим свойством, присущим всем предметам или предмету вообще, но должно быть *собственным* свойством (*eigentliche Eigenschaft*), которое делает возможным описание предметов. Собственные свойства должны позволять различение предметов друг от друга и объединение их в группы по некоторому признаку. От собственных свойств нужно отличать логические и метафизические. Логические свойства конституируют возможность мыслимости предмета (для всех возможных миров), но ничего не говорят о его существовании и вообще ничего о нем не говорят, поскольку «предметы вообще» не могут быть отличены друг от друга. Предмет вообще не существует, поскольку о нем ничего нельзя сказать кроме того, что он тождествен сам себе и внутренне непротиворечив⁶. Аналогичная проблема возникает, если мыслить существование как метафизическое свойство, то есть свойство, присущее всем предметам в одном (возможном или актуальном) мире, поскольку существование как свойство в данном случае выполняет только лишь универсализирующую функцию, то есть объединяет собой все предметы этого мира, но не помогает их отличить друг от друга. Габриэль утверждает, что существование должно сопровождаться собственными свойствами, которые позволяют не только объединять предметы, но и различать их. Иными словами, всякий предмет должен быть индивидом, то есть вещью, отличимой от других вещей с помощью ряда предикатов. «Индивиды отличаются друг от друга тем, что они обладают разными свойствами» [Ibid., 68], и чуть далее: «Индивиды без единого собственного свойства не были бы более индивидами, поскольку они больше не выполняли бы минимального условия для онтической и эпистемической индивидуации» [Ibid., 70]. Таким образом, явление предмета в поле смысла означает наличие свойств, отличающих предмет от других, и приравнивается к существованию.

Предметы являются в той или иной предметной области; эти области Габриэль именуется «полями смысла». Поля выполняют функцию фона, на котором впервые могут проявляться собственные свойства предметов [Ibid., 194]. Смыслы (*Sinne*) – это правила, которые упорядочивают предметы в конкретной предметной области или поле, тем самым конституируя поля [Ibid., 39, 163]. Смыслы определяют границы полей в том отношении, что они определяют принадлежащие некоторому полю предметы, тем самым разграничивая их от предметов других полей смысла. Тем самым смыслы индивидуируют, позволяют отличить поля друг от друга [Ibid., 155]. Соответственно, они также позволяют упорядочивать предметы в предметные области в зависимости от содержания смысла. Смыслы не существуют независимо от предметов и являются их свойствами [Ibid., 37–38]. Смыслы Габриэль понимает в фрегевском ключе как независимые от мышления преданные сущности, к которым мы, тем не менее, имеем эпистемический доступ [Gabriel 2012, 77].

Важно отметить, что предметы могут являться во множестве полей смысла, они не ограничены одним-единственным полем. Полем смысла являются такие области,

как, например, множество натуральных чисел, поэма «Фауст» Гёте, города России и т.д. В этом отношении поля смысла обладают тем несомненным преимуществом, что они позволяют установить контекст существования и несуществования предметов относительно тех или иных полей смысла и вместе с тем проявить свойства предметов в соответствующих полях. Экзистенциальные высказывания, равно как и предикация, таким образом, всегда локально привязаны к соответствующим полям смысла; Габриэль подчеркивает, что понятия «существование», применимого ко всем полям смысла, нет, поскольку оно индивидуально для каждого поля [Gabriel 2016, 243–244]. Ведьмы как существа, способные совершать магические/сверхъестественные действия, существуют в поле смысла поэмы «Фауст» и многих других, но не существуют в физическом пространстве планеты Земля. Законы квантовой механики действуют в поле смысла «универсум», то есть совокупности физических объектов, но отсутствуют в древнегреческой мифологии и т.д.

Поля смысла и предметы не являются ригидными категориями, позволяющими предполагать своеобразный дуализм, поскольку принципиально всякое поле смысла само может стать предметом в соответствующем поле смысла, которое, в свою очередь, также станет предметом в мета-поле смысла и так далее до бесконечности [Ibid., 354]; предметы также сами могут рассматриваться как поля смысла. Различие является функциональным, а не метафизическим.

Габриэль утверждает, что поля смысла бесконечны по числу [Ibid., 29, 185] и не могут быть сведены к единому полю смысла и набору правил (принципам), который объясняет и конституирует все объекты во всех полях смысла. Собственные свойства всегда привязаны к конкретным областям, или полям смысла, и не могут быть всеохватывающими, поскольку нет всеохватывающего поля смысла [Ibid., 77]. Этот тезис он истолковывает как отказ от концепции мира ввиду ее внутренней противоречивости и вследствие этого невозможности: мир, понимаемый как тотальность всех существующих предметов (или фактов об этих предметах), не существует. В пользу своего тезиса Габриэль привел множество аргументов, приводящих к этому выводу разными путями, однако для компактности мы приведем его заглавный аргумент в виде одной цитаты:

- (1) Существовать значит являться в некотором поле смысла (in einem Sinnfeld).
- (2) Если мир (die Welt) существует, он является в некотором поле смысла.
- (3) Имеется (Es gibt) множество полей смысла (онтологический плюрализм).
- (4) Не имеется предметов, находящихся вне мира (мир всеобъемлющ).
- (5) То, что является в поле смысла, есть некий предмет.
- (6) Предметы суть всегда такие-то и такие-то (онтологический дескриптивизм).
- (7) Предметы вообще суть предметы, которые существуют без определенного описания.
- (8) Нет предметов вообще. Предметы существуют лишь в полях смысла.
- (9) Мир не может быть полем смысла предметов вообще, поскольку он тогда, вразрез с определением, существовал бы с определенным описанием, которое индивидуирует релевантное мировое поле смысла.
- (10) Поэтому мир был бы лишь одним полем смысла среди прочих. Поскольку, согласно (4), он должен быть всеобъемлющим, то мир должен быть полем смысла (das Sinnfeld) всех полей смысла.
- (11) Если мир существует, то имеется некое поле смысла, в котором мир является. Но тем самым имелось бы описание, под которое бы попадало все существующее, также и сам мир.
- (12) Такого описания нет.

Следовательно,

Мир (Die Welt) не существует [Ibid., 224]⁷.

В результате мы получаем концепцию, которая настаивает на множественности существующих областей и предметов и на несводимости этих областей к единой подлинной и наиболее реальной области, управляемой одним набором принципов. Это

означает, что для каждой конкретной области и ее предметов необходимо установить правила их организации и тем самым правила индивидуации эмпирически, исходя из самой этой области и ее предметов, но ни в коем случае не *a priori* [Gabriel 2016, 354]. Рассмотрим теперь эпистемологические следствия онтологической теории Габриэля⁸.

III

Итак, сформулируем проблему еще раз. Предметы, вещи являют различные свойства, которые разнятся в зависимости от времени, условий, обстоятельств, а также от состояния, положения, но прежде всего – перспективы и контекста воспринимающего агента. Это разнообразие являемых свойств входит в противоречие с представлением о природе вещей, согласно которому каждая вещь обладает свойственным ей в действительности набором свойств, которые являются неизменными и внутренне непротиворечивыми и могут быть полностью непротиворечиво описаны одним набором предикатов. Какие из свойств, которые можно наблюдать в вещах, действительно принадлежат вещам «по природе», а какие суть лишь вводящие в заблуждения кажимости, которые зависят от перспективы, обстоятельств и т.д.⁹

Наиболее коротко ответ может звучать так: этот вопрос поставлен неверно, поскольку одни и те же предметы являют различные свойства в различных полях смысла. Эти свойства являются одинаково реальными и поэтому могут быть предметом познания, а также эти свойства одинаково принадлежат предметам. Один и тот же предмет в разных полях смысла может демонстрировать противоречащие свойства, выражающиеся с помощью противоречащих предикатов. То, что предметы обнаруживают внешне противоречащие друг другу свойства, является проблематичным в рамках традиционной онтологии, в рамках которой противоречие не может иметь места и, тем не менее, постоянно существует, в частности в рамках мира как совокупности всего существующего. Либо же, с другой стороны, – в рамках представления о «природе вещей», которое исключает возможность принадлежности противоречащих предикатов одной и той же вещи. С заменой этих онтологических представлений проблема рассеивается, поскольку противоречие оказывается лишь видимым, а не действительным, ведь несовместимые свойства будут принадлежать разным полям смысла, а не одному-единственному. В этом отношении должен отпасть и вопрос о подлинном наборе предикатов, описывающих природу вещи, поскольку в свете этой концепции вещь может являть несовместимые предикаты в разных полях смысла. С учетом критики понятия «мир» у Габриэля лишается силы возражение, построенное на концепции «подлинного слоя реальности», который содержит и позволяет раскрыть подлинные предикаты вещей в противоположность кажущимся.

Таким образом, для эпистемологии открывается возможность работать с внешне противоречащими предикатами в рамках различных контекстов, устанавливая или отрицая их в зависимости от правил в рамках конкретного поля смысла/контекста, то есть констатируя факты о вещах. Иными словами, разногласие, являющееся одной из наиболее существенных проблем в эпистемологии на пути к объективному знанию (то есть знанию об объектах), заложено в самой онтологии, и поэтому познание, допуская разногласящие дискурсы, будет корректно отображать существующие предметы в различных полях смысла, в которых они являются. Габриэль в этой связи понимает разногласие (*Dissens*) как наличие различных смыслов (полей смысла, *Dis-sens*) «онтологическим условием для существования предметов» [Gabriel 2012, 76], и далее он отмечает, что «онтологическое разногласие действительно всегда уже существует и может быть отображено дискурсивно» [*Ibid.*, 90]¹⁰. Разномыслие (разные смыслы), в таком случае, оказывается не препятствием, но онтологическим условием познания.

Ввиду такой теоретической констелляции может возникнуть комплекс возражений эпистемологического и метафизического характера, а именно обвинение в релятивизме и/или конструктивизме в связи с устранением понятия «подлинной реальности» и следующие за этим возражения, что такая теория отказывается от фактов, то есть

независимой от сознания универсальной реальности, и заменяет их произвольными конструкциями¹¹. Противники этих позиций здесь исходят как раз из ОП и ЭП, ср.: [Boghossian 2006, 13], и отклонение от этой нормы рассматривают как конструктивизм и/или релятивизм. За их возражением кроется предпосылка, что только опирающиеся на «подлинную» реальность (в частности, физический мир) утверждения могут быть фактами, которые в совокупности и образуют непротиворечивое единство действительности.

Конструктивизм предполагает, что истина является исключительно эпистемическим понятием, то есть полностью зависима от того, что устанавливается в качестве таковой, и может быть произвольно изменена. Без познающих, или, точнее, устанавливающих, истину агентов она не существует. Релятивизм же (в современной философии) предполагает зависимость истины от той или иной концептуальной схемы (языка, теории и т.д.), что означает, что в разных теориях совокупность истинных высказываний не будет совпадать, то есть истинное положение в одной теории может оказаться ложью в другой или вообще не может быть сформулировано. В этом также усматривается определенный волюнтаризм, проистекающий из равного статуса разных теорий вследствие того обстоятельства, что нет независимого от какой-либо теории способа определить истинность теории и, соответственно, отсутствует объективное, беспристрастное основание для определения истинности теории.

В этом отношении нужно разъяснить, почему теория Габриэля является реализмом, а не конструктивизмом/релятивизмом, и какое понимание фактов она предполагает. Факты в понимании Габриэля суть истины, артикулированные в описаниях и относящиеся к соответствующим предметам [Gabriel 2016, 49], то есть факты суть истинные высказывания о предметах, и сам предмет является связкой истинных фактов о нем [Ibid., 470]. Как было показано выше, такие истины могут быть артикулированы и быть осмысленными только в отношении определенного поля смысла. Поля смысла объективны (реальны) и в большинстве своем суть модально жесткие (modal robust), то есть не зависят от воли познающих агентов; их значение истинности не претерпело бы изменений, если бы не существовало ни одного интенционального существа [Ibid., 327]. В частности, поле смысла химических элементов таблицы Менделеева не допускает своевольного изменения параметров. С другой стороны, поля смысла, связанные с человеческой деятельностью, допускают изменения; допустим, в случае изменения конституции некоего государства срок длительности полномочий президента может измениться. Однако возможность изменения содержания таких полей смысла не отменяет фактичности описаний являющихся в них предметов, они могут быть объективно установлены и являться фактами, даже если эти области находятся в зависимости от интенциональных существ. В этом отношении не только социальные факты, но и метадискурсы, мысли о наших мыслях также являются реальными и обнаруживают собственные свойства и констатируемые факты [Ibid., 52], позволяя, таким образом, познавать и постигать истину о вещах. Однако такое знание, как и сущее, будет варьироваться в зависимости от соответствующего поля смысла, поэтому не может быть единого, действующего для всех полей смысла понятия знания.

Релятивизм, по версии Габриэля [Ibid., 239–242], сводится к проблеме выбора между конкурирующими теориями / концептуальными схемами ввиду отсутствия нейтральной позиции. Габриэль предполагает, что проблема выбора снимается, поскольку та самая нейтральная позиция невозможна: «Взгляд из ниоткуда невозможен онтологически и эпистемологически» [Ibid., 179]. Скорее, Габриэль склоняется к необходимости принятия всех полей смысла и артикулированных в них фактов, поскольку речь не идет о выборе метафизически привилегированного поля смысла, но о признании множественной реальности – множества полей смысла, которые позволяют предметам являться с разными описаниями. Попытка нахождения подлинного предмета, являющегося в одном подлинном поле смысла (мире), невозможна. Разные явления одного и того же предмета в разных полях смысла одинаково реальны, отсюда следует невозможность метафизически предпочесть одно другому и необходимость принятия

множества полей смысла (а не одной концептуальной рамки среди прочих), что не исключает прагматического предпочтения, отдаваемого определенным интерпретациям в зависимости от той или иной ситуации с учетом наших потребностей [Ibid., 187].

Концепция Габриэля является реалистической, поскольку она показывает действительные области существующих предметов и то, при каких условиях они могут быть познаны. Плюс этой концепции состоит не только в том, что она позволяет преодолеть пирроническую проблему, но также и в том, что она включает в себя и те области, которые традиционно исключаются из числа действительных, например, вымышленные персонажи в художественных произведениях и т.д.

В результате пирроническая проблема познания ввиду разногласия представляется решенной при отказе от предпосылок о «природе вещей» и принципах их познания в пользу плюралистической онтологии в версии М. Габриэля.

Примечания

¹ Мы будем употреблять термины «предмет», «объект» и «вещь» равнозначно, хотя несомненно первые два понятия отсылают к эпистемологическим контекстам, когда вещи предстают для нас, находясь перед нами для рассмотрения, тогда как «вещь» указывает на онтологические контексты, как нечто самостоятельное и «само по себе» существующее, независимо от познающих агентов.

² Интересно отметить, что Габриэль подготовил свою реабилитационную диссертацию на материале античного скептицизма и в ней уделил существенное внимание пирронизму [Gabriel 2009]. Вероятно, пирронический скепсис послужил импульсом для его онтологической теории.

³ Эта проблематика может быть названа также «онто-эпистемология». Имеется в виду, что всякая онтология всегда уже онто-семантика и также онто-эпистемология, то есть неявно определяет значение теоретических терминов и пути познания предметов. См.: [Moulines 1994, 176].

⁴ Ср. тезис Аристотеля из «Метафизики»: «Ведь знание об отдельной вещи мы имеем тогда, когда мы узнали суть ее бытия» (Met. Z, 1031b6–7, ἐπιστήμη τε γὰρ ἐκάστου ἔστιν ὅταν τὸ τί ἦν εἶναι εἴναι γινώμεν).

⁵ Следует заметить, что в другом месте он вводит другое важное определение для существования, понимая его как свойство не предметов, но полей смысла [Gabriel 2016, 95]. В этом он следует пониманию существования у Фреге – как свойства понятий (то есть свойств), а не предметов, свойство второго порядка.

⁶ В этом отношении такой предмет сходится с тем, что мы выше называли «вещь по природе».

⁷ Необходимо отметить, что против аргументов Габриэля против существования мира была выдвинута серьезная критика [Hill 2017].

⁸ Версию эпистемологии самого Габриэля см.: [Gabriel 2016, 439–464].

⁹ Эту позицию можно передать также и как взгляд на вещи с точки зрения бога, или взгляд из ниоткуда (the view from nowhere), которые позволяют познать вещи объективно и беспристрастно в их подлинной сущности. К этому идеалу стремится научное познание со времен греческой классики.

¹⁰ Нужно отметить еще одно важное возражение онтологически-метафизического характера, а именно предметы не тождественны сами себе в разных полях смысла, если они не обладают теми же свойствами. Из этого вытекает, что каждый предмет распадается на множество предметов соответственно каждому полю смысла, где он является. Габриэль защищается от него с помощью понятия «ведущего смысла» (Leitsinn), который призван сохранять идентичность предмета в разных полях смысла [Gabriel 2016, 369–373].

¹¹ Это отсылает нас к дискуссии о релятивизме после книги П. Богоссяна. Среди отечественных философов против релятивизма выступают В.А. Лекторский (Москва) и В.А. Ладов (Томск); см.: [Лекторский (ред.) 2015; Ладов, Суворцев 2011].

Ссылки – References in Russian

Лекторский (ред). 2015 – Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Канон+, 2015.

Ладов, Суворцев 2011 – Ладов В.А., Суворцев В.А. Формальный реализм. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011.

Маслов 2016 – Маслов Д.К. Равная убедительность аргументов в философии Секста Эмпирика // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 4. С. 248–261.

Маслов 2018 – Маслов Д.К. Пределы скептицизма и проблема объективности познания // Вестник ТГУ. 2018. № 435 (Октябрь). С. 59–66.

References

- Annas, Julia, Barnes, Jonathan (1985) *The Modes of Scepticism*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Boghossian, Paul (2006) *Fear of knowledge. Against Relativism and Constructivism*, Oxford University Press, New York.
- Conant, James (2012) "Spielarten des Skeptizismus", *Metaphysik und Skeptizismus*, Hg. von M. Gabriel, Akademie Verlag, Berlin, S. 21–71.
- Gabriel, Markus (2009) *Skeptizismus und Idealismus in der Antike*, Suhrkamp, Frankfurt/Main.
- Gabriel, Markus (2012) "Dissens und Gegenstand. Vom Außenwelt- zum Weltproblem", *Metaphysik und Skeptizismus*, Hg. von M. Gabriel, Akademie Verlag, Berlin, S. 73–92.
- Gabriel, Markus (2016) *Sinn und Existenz. Eine realistische Ontologie*, Suhrkamp, Frankfurt/Main.
- Hill, James (2017) "Markus Gabriel Against the World", *Sophia*, Vol. 56 (3), pp. 471–481.
- Lektorsky, Vladislav A., ed. (2015) *Relativism as a disease of contemporary philosophy*, Canon+, Moscow (in Russian)
- Ladov, Vsevolod A., Surovtsev, Valery A. (2011) *Formal Realism*, Izdatelstvo Tomskogo universiteta, Tomsk (in Russian).
- Luft, Eduardo (2017) "Plato or Platonism: A Topic in Descending Dialectics", *Veritas – Revista de Filosofia da Pucrs*, Vol. 62 (2), pp. 407–427.
- Maslov, Denis (2016) "Equal Persuasiveness of Arguments in Sextus Empiricus", *The Siberian Journal of Philosophy*, Vol. 14 (4), pp. 248–261 (in Russian).
- Maslov, Denis K. (2018) "Limits of Scepticism and Objectivity of Knowledge", *Tomsk State University Journal*, Vol. 435, pp. 59–66 (in Russian).
- Moulines, Carlos Ulises (1994) "Wer bestimmt, was es gibt? Zum Verhältnis von Ontologie und Wissenschaftstheorie", *Zeitschrift für philosophische Forschung*, Bd. 48, Heft 2, pp. 175–191.
- Putnam, Hilary (2012) "From quantum mechanics to ethics and back", Putnam, Hilary, *Philosophy in an age of science. Physics, Mathematics and Scepticism*, ed. by M. De Caro and D. McArthur, Harvard University Press, Cambridge, pp. 51–71.

Сведения об авторе

МАСЛОВ Денис Константинович –
младший научный сотрудник
Института философии и права СО РАН.

Author's Information

MASLOV Denis K. –
Junior research fellow, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences.